

И.В. КИРЕЕВСКИЙ: РЕЛИГИЯ «РУССКОГО ЕВРОПЕЙЦА»

Жукоцкий Владимир Дмитриевич

доктор философских наук, профессор

Жукоцкая Зинаида Романовна

заведующий кафедрой культурологии и философии Нижневартковского
экономико-правового института (филиал) Тюменского государственного
университета, доктор культурологии, профессор (г. Нижневартовск, Россия)

В своей программной статье «Девятнадцатый век» И.В. Киреевский (1806–1856) проводит весьма знаменательные параллели европейского и российского просвещения, указывая на болевые пункты исторического отставания России в этом объективном процессе секуляризации европейской культуры. Причем точкой преткновения у него оказывается неподцензурная критика русской исторической церкви в широком контексте религиозной проблемы, ее социальных и культурно-исторических обстоятельств. Удивительно то, насколько актуальны сентенции Киреевского в начале XXI в., насколько созвучны они новейшим тенденциям в развитии русской культуры при совершенно изменившихся исторических обстоятельствах. Ведь русская культура за это время проделала путь от консервативной идеи абсолютизма середины XIX в. к абсолютизму социальной идеи эпохи советизма, и от него к абсолютизму либеральной идеи наших дней.

Анализируя новейшие качества европейского стиля (поэзии, мышления, культуры), Киреевский обращает внимание на «холодность, прозрачность, *положительность*» [1, с. 14]. Представленная им формула культурных событий гласит: «Жизнь вытесняет Поэзию» [1, с. 15]. Эта зарисовка, сделанная за добрый десяток лет до рождения Марксовой *философии практики*, ставшей в дальнейшем светской *религией* непосредственного революционного действия, многое объясняет в ее культурно-исторических предпосылках. Интенция исполненного либеральных принципов прагматизма должна была породить в сознании «русского европейца» социально нагруженную реакцию против новейших западных тенденций «исключительного стремления к практической деятельности».

Эта формула *возвращения* Поэзии через исторически ретроспективную и неизбежно охранительно-консервативную социальность стала актуальной для философской и общественно-политической мысли России. Но прежде чем она была политизирована в эпоху советизма вокруг фигуры Маркса, она была прекрасно отрететирована на знаковой фигуре немецкой философской классики – Ф. Шеллинге. По Киреевскому, именно Шеллинг вместил в себя все предыдущее развитие философии. Создатель «системы тождества», сегодня он сам открывает «новую дорогу философии» – к положительному познанию. Эта позитивистическая тенденция классика метафизических систем представляется Киреевским как генеральная линия развития европейского просвещения середины XIX века. Ее суть – в совершенно новом, нетрадиционном решении религиозной проблемы. Отныне она не замкнута на церковную, тем более, староцерковную форму, но с успехом реализуется через философию («философию откровения»), искусство и даже науку, а, в конечном счете, – через практическую деятельность.

Чтобы прийти к столь радикальным выводам, нужно было заглянуть в существо религии и в решительной полемике с обыденными представлениями заявить: «Нет, религия не один обряд и не одно убеждение. Для полного развития не только истинной, но даже и ложной религии необходимо *единомыслие народа*, освященное яркими воспоминаниями, развитое в преданиях одномысленных, сопроникнутое с устройством государственным, олицетворенное в обрядах односторонних и общенародных, сведенное к одному началу положительному, и ощутительное во всех гражданских и семейных отношениях. Без этих условий есть убеждение, есть обряды, но собственно религии нет» [1, с. 17–18].

В этом страстном призыве к «единомыслию народа» содержится констатация существующей раздвоенности, внутренней противоречивости русской духовной жизни, слишком обособленного от культуры и общества существования церкви с ее самодостаточной обрядовостью и догматикой. Но в нем же содержится и надежда, что «полное развитие» религии на русской почве возможно и должно. Для этого нужно одно – преодоление радикального раскола духовной культуры на светскую и церковную сферы, сближение последней с практической жизнью людей и народов. При этом, считает Киреевский, вполне допустима множественность собственно религиозных форм, как это имеет место в Европе: «Замечательно, что и паписты, и иезуиты, и сенсимонисты, и протестанты-супранатуралисты, и даже рационалисты, – одним словом, все религиозные партии, которые теперь в таком множестве волнуются по Европе и которые не согласны между собой во всем остальном, – все, однако же, в одном сходятся: *в требовании большего сближения религии с жизнью людей и народов*» [1, с. 18].

Это буйство религиозной жизни Европы находится в резком контрасте с почти абсолютным умиротворением русской религиозной жизни, за которым скрывается ее фактическое отсутствие. Потребовалась целая эпоха социального и духовного развития в XIX в., чтобы, наконец, к началу XX в. получить в России ту картину страстного религиозного брожения, которую Европа пережила почти столетием раньше. Характерно и то, что возбудителем этих процессов религиозного брожения, как и в Европе, выступала религия новой социальной жизни (социализма), религия человечества и научно-технического прогресса. А сам этот десокрализированный религиозный, светский по форме подъем проходил на фоне глубокого кризиса исторической церкви, нисколько не думавшей о механизмах сочленения с современностью и упорно цеплявшейся за старые формы приверженности и сервилизма у самодержавной власти монарха.

Киреевский, разумеется, не может себе позволить в условиях жесткой цензуры столь радикальных выводов и прогнозов, но он закладывает все необходимые для них предпосылки. Эти еще только предпосылки *мысли* (не действия, не организации, не деяния) удивительно созвучны умонастроениям молодого Маркса. Они почти буквально предвосхищают констатирующую часть Марковских *Парижских рукописей 1844 г.* Действительно, кому из двоих могло принадлежать, например, такое высказывание: «Везде дело (читай: *политика*). – В.Ж.) берет верх над (философской) системой, сущность над формой, существенность над умозрением» [1, с. 18]. Кому из двоих принадлежит тезис о наступлении новой эпохи, заканчивающей *«искусственное равновесие* противо-

борствующих начал» (включая искусственное равновесие в борьбе классов) как условия «твердого общественного устройства», и заменяющей его «равновесием *естественным*, основанным на просвещении общего мнения», усматривающей, наконец, именно в этом переходе основание «*веры* настоящего времени»?

И разве не писал с той же тщательностью молодой Маркс об одиноком мыслителе, живущем в обществе, где «жизнь идет по одной дорожке, а успехи ума по другой», о том, что возникающее здесь отчуждение делает человеческие проявления человека как человека скорее исключением из правила? И уже совсем как цитата из Марксовского рукописного наследия звучат слова Киреевского: «И может ли один человек образовать себе жизнь особую посредством общества, образованного иначе? Нет, в жизни внутренней, духовной, одинокой будет он искать дополнения жизни внешней и действительной. Он будет поэтом, будет историком, разыскателем, философом (пролетарием – добавил бы Маркс. – В.Ж.) и только иногда *человеком*, ибо в тесном кругу немногих сосредоточено поприще его практической деятельности» [1, с. 15].

Как известно, для Маркса таким «тесным кругом немногих» выступал круг революционеров, точно также и пролетарию, чтобы хоть иногда *быть* человеком, нужен этот круг и эта по-настоящему «практическая деятельность». В традиции русской интеллигенции таким «тесным кругом немногих», позволяющим хоть иногда быть вполне *человеком*, выступала кружковая и иная организационная деятельность по выходу из замкнутых форм отчужденного существования. Не случайно власть в России испытывала большее недоверие к славянофилам, чем к западникам...

Полное по-марксистски звучит и радикальный тезис Киреевского о невозможности разведения в новейших культурно-исторических условиях *духовного* и *практического*, о неоправданности попыток представить последнее (практическое) как низшее или как «простое условие» для первого (духовного). Практическое начинается, завершает и смыслообразует пути духовного.

Литература

1. Европеец. Журнал И.В. Киреевского. 1832. – М. : Наука, 1989.